

Об этимологии некоторых бурятских охотничьих терминов

Поскольку бурятские племена издавна занимались не только скотоводством, но и охотой на различных таежных и степных животных, в бурятском языке и его диалектах и говорах во множестве представлены всевозможные охотничьи термины, относящиеся как к предметам вооружения и снаряжения охотников, так и к приспособлениям и приемам охоты. Здесь хотелось бы коснуться этимологии некоторых из таких терминов.

В бурятских говорах, например, в окинском, тункинском, бытует термин мадата, которым называют большой охотничий нож. В литературном бурятском языке слово мадата используется как парное к слову пухэ "топор". Исходя из материала только бурятского языка это слово невозможно этимологизировать, хотя и есть соблазн сопоставить его с лексемами мадатар "прямой" нестибающийся и мадайха "не гнуться, не сгибаться" и вычленили у всех этих словоформ общий корень мада с семантикой чего-то длинного прямого и при этом не кудрявого. Возможно, что это и так. Однако, если посмотреть на дистрибуцию анализируемого слова в монгольских языках, то увидим, что только в торгутском говоре калмыцкого языка зафиксировано мадг "тесак". Для старомонгольского нет единой словоформы. Так, в словаре Ф.Лессинга читаем: мадата, мадаган "охотничий нож; короткий меч". В орфографическом и орфоэпическом словаре монгольского языка /Хухэ-хото, 1977/ эта лексика дана с глухим согласным т:

матаа "вид ножа". В словаре корневых слов монгольского языка, изданном Сэцэнцогтом в КНР, это слово читается как матага "мечообразный короткий клинок". В халха-монгольском языке бытует слово матга "кортик", к которому Я. Цэвэл приводит вариант матаа. Из всех источников только у Сэцэнцогта находим попытку раслифровки происхождения данного слова. Он сопоставляет его с лексемами мат-мал, матгар "согнутый, изогнутый", матах "огибать, выгибать", матрах "гнутья, огибаться", матайх, матийх "изгибаться, гнутья дугой", возводя их и матага к общему корню мата-. В бурятском, халхаском и калмыцком языках этот корень представлен в тех же производных словах. В принципе можно согласиться с предположением Сэцэнцогта и предположить в лексеме мадага/матага корень мата-, поскольку первоначально нож, названный этим термином, мог представлять собой искривленный клинок и тем отличаться от обычного ножа, имевшего прямой клинок. Это монгольское по своим корням слово попало в якутский язык, в котором оно в форме багыла означает "пальма - старинное холодное оружие в виде большого ножа, насаженного на длинную рукоятку". По свидетельству монгольских археологов подобное оружие имелось и у древних монголов. Возможно, что это и было древнее мадага/матага. У эвенков и других тунгусо-маньчжурских народов пальма называлась словом кото / уткэн. Судя по термину, якуты заимствовали этот тип оружия, которое широко использовалось таежными охотниками, у древних монголов либо бурят, но не у тунгусов.

Старинный охотничий бурятский термин хаали "лук-самострел" в монгольских языках имеет следующие соответствия: стп.-м. сагали, х.-монг., калм. сааль, в языке монголов КНР тоже сааль. Значение везде одно: "самострел в виде лука". По нашему мнению бур. хаали / сагали / имеет тот же корень, что и хаадаг "колчан / для стрел /", восходящее к более древней форме сагадак, зафиксированной в стп.-м. Здесь вычленяется корень сага-, который мы прослеживаем и в слове хаад "препятствие, помеха", поскольку принцип препятствия в виде сторожевой нити, натянутой поперек звериной тропы, лежит в основе действия самострела хаали, равно как по этому же принципу действует и колчан для стрел, бытовавший у монгольских народов. Это не просто коробка для вкладывания и хранения стрел, а коробка с туго натянутыми внутри поперечными жгутами, которые хорошо удерживали помещенные между ними стрелы, что было особенно важно для конных охотников.

К охотничьим терминам относится также слово марса "искусствен-

ные солонцы", представленное часто и в словосочетании марса хужар "солонцы". В тункинском говоре бытует словоформа мараа/н/ "солонцы". Другие монгольские языки тоже знают этот термин, например: стп.-м. мар-а, марача, марджа, х.монг. марз, мараа, калм. марц, в монгольском языке Внутренней Монголии мараа, марч, мардж "солонцы". Сэцэнцогт приводит старомонгольские варианты мар-а, марача, мараджа, марджа. Г.И. Рамstedт возводил калм. марц и элут. мараа "солонцы" к глагольной основе мара-, не указывая, впрочем, ее значения. Поэтому его этимология остается неясной. Бурятская словоформа марса восходит, по нашему мнению, к форме марца, развившейся из формы марача, предлагаемой Рамstedтом для калм. марц. Халха-монгольский вариант марз, стп.-м. марджа представляют собой развитие формы мараджа. По нашему мнению словоформы марача и мараджа образованы от одной и той же основы мара-, о которой верно предложил Г.И. Рамstedт, при помощи разных словообразовательных отглагольных аффиксов существительных -ча, -джа / в соврем. монг. языке это -ц, -з, в бурятском -са, -за..., ср. напр., монг. гарц "урожайность", гарз "убыток", образованных этими аффиксами от глагола гар- "выходить, возникать, вырастать". Словоформа же мараа/н/ восходит, по-видимому, к мараган, образованному от того же мара-, но уже при помощи аффикса -ган.

Таким образом, все эти рассмотренные варианты данного термина являются производными от одной и той же глагольной основы мара-. В тюркских языках аналогичного термина нет. Хакасское марачы, торское марачы "солонцы" являются монгольскими заимствованиями в этих языках. Сам же монгольский корень мара- вполне можно сопоставить с тюрк. мара- "пристально глядеть; поджидать, высматривать с наблюдательного пункта", а также в киргизском языке "впиваться взглядом в жертву, уставиться на жертву, готовясь к прыжку / о хищниках /". Семантикой монг. мара- должно было быть "поджидать, подкарауливать, скрадывать, караулить дичь в засаде". Поэтому оправдывается значение слов марса и т.п. "солонцы, место у выходов соли, где охотники караулят дичь".